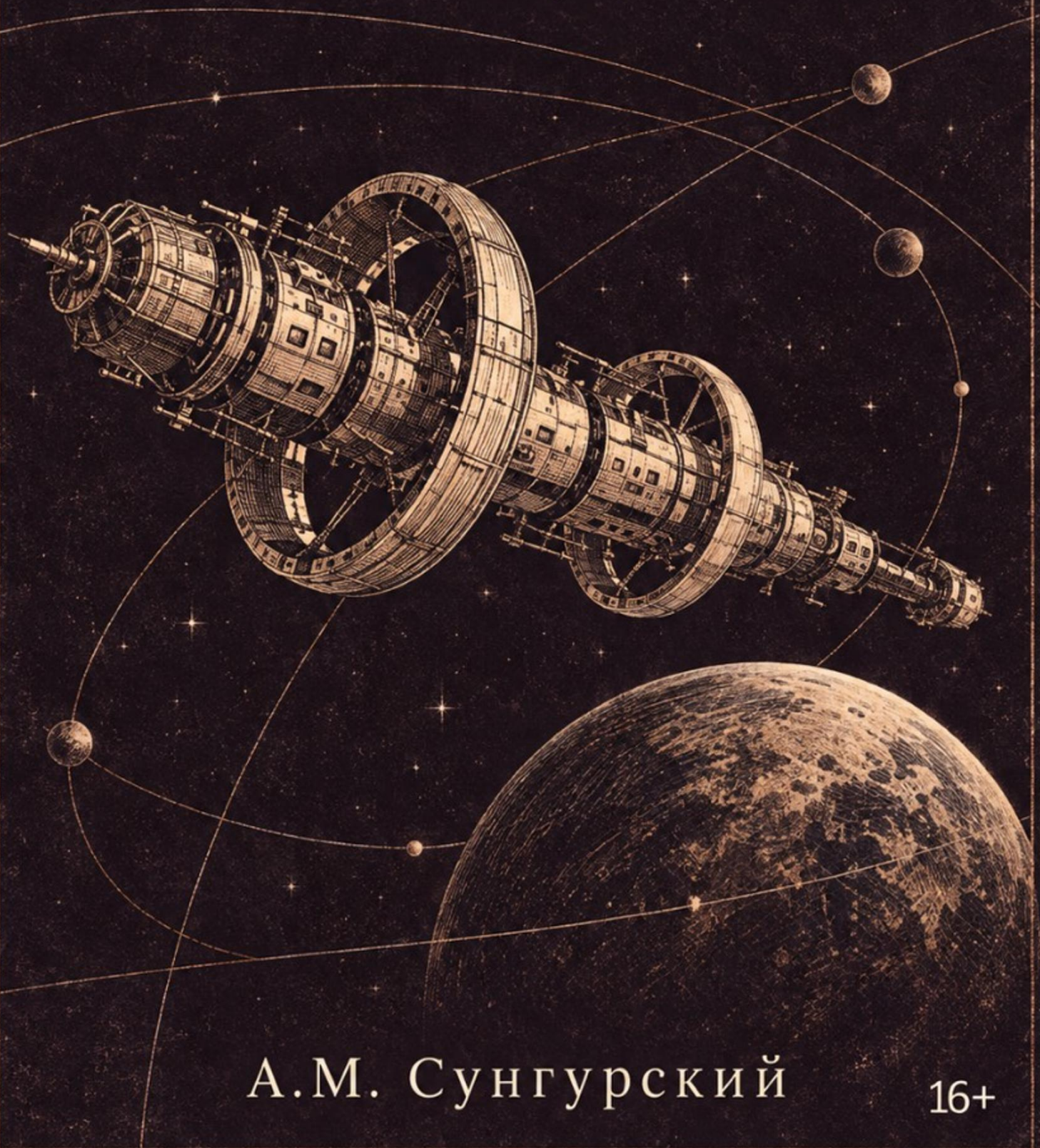

ВОЙНА, КОТОРАЯ ОПОЗДАЛА

А.М. Сунгурский

16+

А.М. Сунгурский

Война, которая опоздала

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Война, которая опоздала / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Четыре военных корабля восемьдесят лет летели к далёкой колонии. Теперь они прибыли. Война давно закончилась, государства, отдавшего приказ, больше нет, а потомки врагов живут в одном городе. Полковник Мирон Таланов родился в пути. Он умеет защищать своих людей и уверен, что после стольких лет службы им положен собственный берег. Его сын Лев впервые получает возможность выбрать другую жизнь. Жена Рада, вырастившая корабельные сады, обнаруживает, сколько её решений на самом деле принимали за неё. Командование требует территорию. Местные жители предлагают работу и жильё, но не власть над собой. Пока отец пытается исполнить старый приказ, сын находит своё место среди тех, против кого этот приказ был отдан. И вскоре одного семейного разговора будет недостаточно, чтобы остановить войну.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Парадная форма	5
Глава 2. Первый рабочий день	11
Глава 3. Незакрытое небо	18
Глава 4. Место для флота	26
Глава 5. Наклонная вода	33
Глава 6. Кому достанется сад	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

А.М. Сунгурский

Война, которая опоздала

Глава 1. Парадная форма

Мирон поймал рукав сына и вытащил из манжеты тонкую медную стружку.

— Ты в этом лазил в привод?

— Я в этом родился, — сказал Лев. — Посмотри на локти.

На правом локте темнело пятно, которое сын не сумел отмыть. Мирон провёл по нему большим пальцем. Вчера, проверяя список посадочной группы, он видел напротив фамилии Льва все положенные отметки: подготовка, медицина, допуск к выходу. Про локоть там ничего не было.

— Чистый китель где?

— Это чистый.

Из умывального отсека появилась Рада с двумя влажными заколками в зубах. Она посмотрела на мужа, на сына, вынула одну заколку и сказала:

— Мирон, оставь ему хоть одну руку. Он нам сумки понесёт.

— У нас церемония.

— У вас. У меня почвенная лаборатория.

Рада скрылась обратно. В проёме остались её голые пятки. Из-за стены шумела вода, и Мирон, не думая, поднял глаза на расходомер над дверью: шестнадцать литров, семнадцать. Потом вспомнил, что с переходом на орбиту ограничения сняли. Баки наполнили ещё три дня назад, когда местный грузовик доставил воду и технический кислород. Впервые за его жизнь воду привезли люди, не принадлежавшие флоту.

Лев тоже посмотрел на прибор.

— Мама сейчас всю планету вымоет.

Мирон отпустил рукав.

На столе лежала фуражка с высоким твёрдым верхом. В шкафу она годами занимала отдельную коробку; сегодня Мирон достал её, почистил и обнаружил, что после всех чисток она пахнет шкафом сильнее, чем прежде. Отцу такую фуражку так и не выдали. Когда он умер, Мирон ещё был курсантом, и на похороны достал ему с вещевого склада обычную, повседневную. В гробу она казалась не по размеру. С тех пор Мирон терпеть не мог складских разговоров о том, что уставное имущество в любом случае возвращается в оборот.

— Есть будешь? — спросил он сына.

— Уже.

На столе стояла нетронутая тарелка. Лев увидел, куда смотрит отец, взял с неё ломоть омлета и сложил пополам.

— Вот.

— Не запихивай целиком.

Сын, разумеется, запихнул. Мирон отвернулся, чтобы не улыбнуться.

Они почти сравнялись ростом. Лев был уже плечами, но в последнее время это стало незаметно: он держался свободнее, перестал вскидывать подбородок, когда хотел показать, что вырос. На затылке торчал вихор, который не брала расчёска. В семь лет сын придумал объяснение — волосы тянет к оси корабля. Мирон тогда долго рассказывал ему о вращении и тяжести, а Рада после спросила, за что он наказывает ребёнка.

— До вечера у тебя свободное время после осмотра порта, — сказал Мирон. — К восемнадцати быть в сборном помещении. Местный часовой цикл мы ещё не приняли, смотри по корабельному.

Лев прожевал.

— Я знаю.

— Тропин посадит в девять. Первый обход вместе. Дальше...

— Пап, я знаю. Ты мне вчера всё прислал.

Мирон хотел сказать, что вчера Лев на его сообщение не ответил. Вместо этого взял фуражку.

Рада вышла в серых рабочих брюках, мягких ботинках и старой куртке с оторванным язычком на молнии. Он несколько секунд смотрел на куртку.

— У тебя есть другая.

— У этой карманы удобнее.

— Рада.

Она подошла и расстегнула ему верхнюю застёжку кителя.

— Ещё рано, — сказала она. — Задохнёшься до торжественной минуты.

За воротом стало прохладно. Мирон хотел застегнуться обратно, но Рада положила ладонь ему на грудь и на мгновение задержала. Через открытый ворот пахнуло её мылом. Седой волос прилип к виску, и он осторожно убрал его за ухо.

— Ты чего? — спросила она тише.

— Ничего.

Сын уже стоял у двери, делая вид, что рассматривает застёжку сумки.

Мирон взял со стола ключ от служебного шкафа, подумал и оставил. Сегодня там ничего не понадобится.

Квартира была убрана ещё ночью. На спинке стула сохла кухонная салфетка, на стекле шкафа остались полукруглые разводы. Рада убрала даже старую рассадную лампу, которую они год собирались отнести в ремонт. Мирону вдруг показалось, что квартиру приготовили для других людей, и он задержался в дверях, хотя жена с сыном уже ушли по коридору.

Он проверил замок. Потом догнал их.

В жилом кольце пахло нагретой краской. К высадке покрасили поручни, дверцы хозяйственных ниш, детскую ограду возле школьного сада. Вчера мальчишки трогали её пальцами и убегали; сегодня вдоль серого металла тянулась цепочка тёмных отметин. Над проходом развесили белые полотнища с эмблемой Союза. Их берегли для этого дня восемьдесят лет, доставали на смотры и снова убрали в сухие ящики.

У третьего полотнища две женщины спорили, как закрепить нижний край. Одна стояла на скамье, другая поддерживала её за колени.

— Полковник! — крикнула та, что была наверху. — Не уходите!

Мирон остановился. Женщина спрыгнула, поправила волосы и вытянула из кармана сложенный вчетверо лист.

— Это мужу. Он на «Севере». Вам же дадут общую связь?

— Связь и сейчас общая.

— Я знаю, но он прочтёт после смены, а я хочу, чтоб до. Передайте капитану Белик. Пусть отпустит его первым рейсом. Мы двадцать один год ждём, чтобы вместе выйти.

Он взял лист. Плотная бумага с неровно обрезанным краем, сверху имя, ниже номер хозяйственной смены. Написано от руки.

— Постараюсь.

— Не постарайтесь. Скажите ей, я ведь сама здесь дежурства брала, чтоб мы...

Рада коснулась её локтя.

— Нина, он ещё до лифта не дошёл.

Женщина замолчала, взглянула на фуражку в руке Мирона и вдруг выпрямилась.

— С прибытием, товарищ полковник.

— И вас, — сказал он.

Пока поднимались к радиальному переходу, он успел принять ещё две просьбы: привезти мальчику настоящий камень и выяснить, пустят ли вниз собаку. Собака смотрела на него из-под скамьи, положив голову на лапы. Она была старая, тяжёлая, с седой мордой. Мирон пообещал выяснить. Камень пообещал привезти.

Лев придерживал дверь подъёмника, пока Рада затаскивала сумки.

— Пап, у тебя ещё день не начался, а уже дипломатическая миссия к собаке.

— Вот и занимайся своей инженерной службой. В командование не лезь.

Сын рассмеялся. Мирон нажал кнопку осевого уровня.

Подъёмник пошёл внутрь кольца. Знакомый вес уходил постепенно. Рада села на откидное сиденье и прижала сумки коленями; Лев зацепился ногой за нижнюю перекладину. За решётчатой стенкой проплывали кабельные полки и широкие трубы, на которых ещё сохранились следы ручной сварки. Несколько поколений проходили здесь к пристаням, на учения, к соседним кораблям, в ремонтные выезды. Сегодня внизу впервые было место, куда можно уйти пешком дальше, чем позволяла корабельная стенка.

У осевого перехода их встретила Зоя Пестова. Офицер связи держала под мышкой планшет, а свободной рукой вцепилась в поручень. Тяжесть здесь почти исчезла; короткие волосы Пестовой торчали ровным венчиком.

— Мирон Сергеевич, адмирал просит зайти. Семь минут.

— До вылета двадцать.

— Он знает.

Рада взяла у мужа фуражку.

— Отнесу. А то раздавишь где-нибудь, и придётся ещё восемьдесят лет в шкафу хранить.

Мирон оттолкнулся от поручня. За спиной Лев спросил у Пестовой, наконец ли разрешили ему грузовой канал местного порта. Та ответила, что канал открыт со вчерашнего дня. Значит, сын опять что-то не прочёл. Мирон уже хотел обернуться, но Лев сам сказал: «Да я получил, спасибо», — и отец поплыл дальше, чуть сильнее необходимого отталкиваясь ладонью.

В рабочем отсеке адмирала парадной формы не было. Коршун сидел у стола, закрепив ступни в петлях. Перед ним висела проекция посадочного порта: вода, два длинных пирса, низкие ангары и чёрные овалы посадочных площадок. На одном пирсе двигались жёлтые машины. Мирон машинально попытался понять их назначение, но изображение сменилось.

— Садись, — сказал адмирал. — Вооружение первой группы остаётся на борту.

Мирон зацепился за край стола, подтянулся к креслу и завёл ступни в петли.

— Моей группы?

— Всей. Они выдали допуск только на невооружённый визит.

— У нас это согласовано.

— Было согласовано прибытие. Дословно. Их служба безопасности уточнила условия шесть часов назад.

Коршун подвинул к нему текст. Мирон прочёл. Первая группа до шестидесяти человек, личные вещи, техническое оборудование по ведомости. Ни оружия, ни боевых систем на транспортном аппарате. Гражданский представитель встречает в зоне приёма. Дополнительные группы — по заявкам.

— Они видели план церемонии?

— Видели.

— И?

— Не стали возражать против музыки.

Адмирал сказал это без улыбки. Мирон представил шестнадцать музыкантов, которым придётся оставаться на корабле: они не помещались в шестьдесят мест вместе с инженерами и санитарной группой. Вчера их дирижёр трижды приходил уточнить ветер на площадке. Получалось, зря.

— Кто принимает?

— Адель Холът. Полномочия широкие, но без военного командования.

— Они не пришлют старшего?

— По их сведениям, она старшая.

Мирон снова посмотрел на текст. В строке «Цель посещения» стояло: «Ознакомление с условиями временного размещения».

Условиями временного размещения.

Ему было девять лет, когда отец впервые показал на учебной карте место будущей высадки. Белая полоса суши, гавань, укреплённая дорога к промышленному району. Отец положил ладонь на край стола и велел представить, что это берег. Здесь первый батальон, здесь второй; с воды прикроют аппараты. После победы корабельные дети больше не будут ходить под низким потолком. Мирон тогда залез под стол, чтобы посмотреть на берег снизу, и отец смеялся, пока мать не попросила убрать военную игру перед ужином.

Берег остался. Остальное исчезло.

— Мы уже приняли от них снабжение, — сказал Коршун. — Теперь нельзя делать вид, будто контакт не состоялся. Спуститесь, осмотритесь. Пусть люди увидят.

— Оружие у них есть?

— Есть. Местные службы сохраняют штатное вооружение.

Мирон отодвинул текст.

— Тогда я беру хотя бы ближнюю охрану.

— Без оружия. Мы направляем гостей, а не закладываем плацдарм. Пока.

Последнее слово прозвучало буднично. Коршун потёр переносицу. Под глазами у него лежали глубокие припухлости; четыре ночи он спал короткими урывками, то принимая местные предложения, то объясняя их капитанам.

— Мирон, — сказал он, — они предлагают нам землю. Не ту, за которой мы шли, но предлагают. Надо посмотреть, что за земля.

— Для флота?

— Для желающих поселиться. По отдельности. Семьями. Корабли под общий контроль, тяжёлое вооружение вне использования до соглашения. Они не выгоняют людей. Они не хотят, чтобы мы остались флотом.

Из соседнего отсека донёсся голос дежурного: запрашивали подтверждение окна спуска. Коршун поднял два пальца — подождать.

— Вы думаете, сообщения были настоящими? — спросил Мирон.

— Сообщения о чём именно?

— О мире. Всё это время.

Адмирал посмотрел на него устало, почти с удивлением.

— На Земле действительно не воюют с Эриданом. Мы это давно знаем.

— Нам говорили, сведения не подтверждены.

— Нам говорили: полномочия приславших сведения не подтверждены. Это разные вещи. Союза нет. Есть правительства, которые поделили его землю и долги. Они не могут распоряжаться людьми, которых не отправляли.

Мирон слышал эти доводы много раз — на собраниях, в школе, от собственного отца. Однако прежде между доводами и берегом оставались годы пути. Можно было с ними соглашаться и всё равно жить следующий день как предыдущий.

Теперь до старта оставалось четырнадцать минут.

— Значит, представляемся как мирная экспедиция, — сказал он.

— Представляетесь своим именем и званием. Не обещайте им ничего насчёт будущего статуса. Не спорьте о Земле. И не позволяйте обращаться с нашими как с людьми без дома. У них есть дом. Он здесь.

Коршун постучал пальцем по столу.

Мирон собрал текст себе на планшет и поднялся. В невесомости это получилось нелепо: он выдернул ноги из петель слишком резко и слегка ударился коленом о край.

— С высадкой, — сказал адмирал.

— Спасибо.

В коридоре Мирон вызвал начальника оружейной, отменил выдачу и велел перенести ящики со спускаемого аппарата. Потом сократил группу. Дирижёру звонил сам. Тот выслушал, помолчал и спросил, не взять ли хотя бы четверых. Мирон сказал, что не взять.

— Понятно, — ответил дирижёр. — Передайте, мы умеем тихо.

Мирон ничего не нашёлся ему сказать.

В челноке Рада сидела пристёгнутая на боковом месте, поставив сумки между ступнями. Фуражку она положила себе на колени и прикрыла ладонью. Лев вместе с Тропиным возился возле задней панели. Впервые за утро пятно на локте оказалось уместным.

— Убираем два ящика, — сказал Мирон пилоту.

— Уже видел. Закрепления освободил.

— Старт на три минуты позже.

— Не позже. Нам следующего окна ждать. Успеем, если сейчас все сядут.

Мирон подхватил край ящика. Лев взял другой. Вместе они протолкнули его через открытый люк к двум оружейникам, затем вернулись за вторым. За прозрачной внутренней крышкой аккуратными рядами лежали короткие автоматы. Сын старался не смотреть на отца, а это вернее любого взгляда показывало, что условия визита он уже знает.

Когда люк закрыли, Мирон проверил крепления пассажиров. Почвовед с «Севера» придерживал у груди мягкую сумку; две медсестры спорили, положили ли в медицинский набор запасной диагностический блок; техник в последнем ряду снимал с ботинок защитные бахилы, потому что не хотел ступить на планету в чужой пыли. Бахилы выскальзывали у него из пальцев и лениво всплывали к потолку.

Мирон поймал одну, подал ему и сел рядом с женой.

— Ну? — спросила Рада.

— Экскурсия.

— На целую планету? Для экскурсии нам мало времени дали.

Она отдала фуражку. Он положил её в сетку под сиденьем.

Челнок оттолкнулся от осевой пристани. На обзорном экране отъезжало кольцо «Рубежа», белое, местами серое от ремонтных заплат. Вдоль обода горели огни. Мирон различил тёмную полосу садового сектора и стал искать свою квартиру, хотя окна туда не выходили и найти её было невозможно.

Лев наклонился вперёд, за плечо матери.

— Смотри. Наши грядки.

— Вижу, — сказала Рада.

— Помнишь, ты уронила туда ботинок?

— Я много куда роняла ботинки. Уточни.

— Когда я на стенке висел и сорвал шланг.

— А. Тогда я тебя хотела уронить.

Мирон слушал их и смотрел, как кольцо становится целым. В нём было всё, что он мог вспомнить: отцовская рука на учебной карте, пустой коридор после похорон, Рада в чужом

зелёном платье, крик новорождённого сына за плохо закрытой дверью. Дорога сделала круг и охватила его жизнь так плотно, что прежде он не замечал её края.

Корабль ушёл в сторону. На экране возникла планета, заняв сразу половину пространства. Белые облака лежали над бурой сушей, в разрыве между ними показалось море.

Техник с бахилами тихо произнёс что-то неуставное. Одна медсестра засмеялась, и её смех сразу оборвался.

Мирон видел планету на экранах много дней. Видел карты, снимки, поток с портовых камер. Всё равно он протянул руку к ремню, проверяя, держит ли замок.

— Вход через сорок минут, — сообщил Тропин. — До этого можно расстегнуть воротники. После этого тоже можно. Я лично не доложу.

Рада закрыла глаза и откинулась в кресле. Лев придвинулся к боковому иллюминатору. Мирон достал присланный ему план визита, но строки расплывались: он всё время поднимал взгляд на море.

В списке встречи не было ни одного военного звания.

Он свернул план и добавил себе три напоминания. Муж Нины с «Севера». Камень для мальчика. Собака.

Глава 2. Первый рабочий день

На последних минутах спуска Лев думал о том, что у земли нет поручня.

Это была глупая мысль. Перед посадкой Тропин вывел на экран площадку: бетон, полосы разметки, невысокий навес за ограждением. Обычное место для аппарата, ничего особенного. Но дальше навеса не было стенки. Виднелись другие крыши, холмы, полоска воды; и даже там, где всё сливалось в светлую дымку, пространство продолжалось. Лев привык, что глаз рано или поздно находит опору. Здесь он её не находил.

Он откинулся в кресле и посмотрел на отца. Тот сидел прямо, положив руки на бёдра, и следил за посадкой так, будто собирался потом оценивать работу пилота. Мать, напротив, вытянула шею к маленькому боковому стеклу. Лев видел её ухо и прилипшую к щеке прядь. Она обернулась к нему только после касания.

— Ну что, — сказала она. — Дожили.

Откуда-то сзади ответили: «Не говорите раньше времени». Кто-то засмеялся, кто-то попросил не загоразживать проход, хотя люк ещё был закрыт.

Пока Тропин получал разрешение на выход, Лев открыл портовую схему. За ночь ему прислали исправление к расположению ремонтного участка и длинное сообщение от инженера Сандер. Он прочёл его дважды. Тон был сердитый, но не из-за него: Сандер просила перестать пересылать её запрос из одной службы в другую и прямо ответить, есть ли во флоте человек, который разбирается в старых приводах. В приложении лежали снимки разобранной погрузочной тележки.

Лев отправил ответ ещё с корабля: «Я могу посмотреть. Сегодня прилечу».

Теперь следовало добавить, что он прилетел, но в проходе уже стоял отец. Пришлось убрать экран.

Снаружи ударил ветер. Не сильный; просто воздух двигался сразу со всех сторон, трогал лицо, тянул воротник, пах нагретым бетоном и чем-то солёным. Лев задержался на верхней ступени и сделал слишком большой вдох. Под ногами лежала широкая площадка. Солнце светило сбоку, и тень челнока казалась нарисованной чернилами.

Мать спустилась первой из их троих. Она не стала целовать землю или садиться на неё — хотя Лев, если честно, немного этого ожидал. Просто прошла несколько шагов, остановилась и подняла голову. Ветер раздувал старую куртку. Отец, оказавшись рядом, положил ладонь ей между лопаток. Мать что-то сказала, и он убрал руку.

Лев не расслышал. Внизу его уже подгоняли.

Он сошёл с трапа, попытался одновременно смотреть под ноги и вдаль и наступил на пятку почвоведу. Извинился. Почвовед ответил, что всё в порядке, и вдруг рассмеялся так громко, что несколько человек обернулись.

— Ничего, — сказал тот. — Ничего. Бывает.

Под навесом ждали семеро местных. Лев насчитал двух людей в одинаковых тёмных куртках с короткими палками у пояса. Оружия в руках ни у кого не было. Остальные выглядели как сотрудники приёмной станции: у одного в руках лежал планшет, другая придерживала стопку пакетов, высокий старик затенял глаза бумажной папкой. На дальнем краю площадки работал уборщик. Его машина медленно обходила жёлтый знак запретной зоны, и водитель не повернул головы, даже когда открыли второй люк.

К отцу подошла женщина в светлом плаще. Прямые волосы доходили ей до подбородка; одну прядь она всё время убирала за ухо. Женщина протянула руку и представилась:

— Адель Хольт. Добро пожаловать. Давайте скорее под крышу, здесь плохо слышно.

Отец назвал звание и фамилию, потом людей, стоявших рядом. Хольт повторила имена. Дойдя до Рады, спросила, благополучно ли перенесли перевозку образцы.

— Увидим в лаборатории, — ответила мать. — Вчерашние ваши корни пришли тёплыми.

— Передам, чтобы проверили контейнеры.

— Я уже передала. Мне сказали, это нормально. Для ваших, возможно, нормально, для наших не очень.

Хольт выслушала ещё два предложения о контейнерах, кивнула и записала себе. Отец в это время стоял с вытянутой шеей, оглядывая навес и пустой проход к нему. Лев понял, что отец ждёт начала встречи. Потом понял: она уже шла. Про корни, сумки и то, где можно помыть руки.

У входа им раздали лёгкие дождевые накидки. Солнце светило по-прежнему, и Лев хотел отказаться, но мужчина с пакетами сказал:

— Возьмите. Мне потом за вами бегать.

Лев взял.

В приёмном помещении было прохладно. Пол выглядел деревянным, хотя под подошвой не скрипел; возле стены стоял стол с водой и фруктами, над ним висела большая карта побережья. Сбоку от карты светился экран с расписанием. На нём их прибытие занимало одну строку между двумя грузовыми рейсами.

Лев подошёл ближе. Первая посадочная группа «Рубежа». Шестьдесят мест. Прибыло пятьдесят четыре.

В соседней строке значился аппарат, отправлявшийся в прибрежный посёлок. До его вылета оставалось двадцать минут. Четверо пассажиров сели на скамью у окна: женщина, двое детей и мужчина с длинным тубусом. Мальчик смотрел на флотских с открытым любопытством. Мужчина закрыл глаза.

Леву хотелось, чтобы тот проснулся.

Они восемьдесят лет летели сюда. Можно было хотя бы посмотреть.

Услышав собственную мысль, Лев разозлился на себя. Отец сказал бы то же самое, только более прилично.

— Ты Таланов?

Перед ним стояла девушка в синей куртке. На её поясе висели тонкие рабочие перчатки и ключ с короткой рукояткой. Волосы она стянула под платок; от ветра выбилась прядь, которую девушка убрала так же, как Хольт, но с гораздо меньшим терпением.

— Лев, — сказал он.

— Лея. Это я писала.

Он почему-то ожидал, что инженер Сандер окажется старше, и не успел скрыть удивления.

— Что? — спросила она.

— Ничего. Ты одна ремонтируешь эти...

— Нет. Нас шестеро. Сегодня нас трое, потому что трое готовят второй участок для вас. Можно тебя забрать?

Лев оглянулся. Отец разговаривал с Хольт. Мать раскрыла одну сумку и показывала высокому старику жёсткий футляр с образцами. До конца общего обхода ещё оставалось время, хотя сам обход не начался.

— Через час, — сказал Лев. — Сначала нас поведут смотреть.

— А. Смотреть.

Лея убрала руки в карманы и тоже посмотрела по сторонам, словно проверяла, что здесь осталось достойного осмотра.

— Тогда приходи к третьему пирсу. Синяя крыша, вывеска «Ремонт». Справа от неё дверь. Не лезь через большие ворота, там автоматика.

— Я видел схему.

— Отлично. Половина людей её видит, потом всё равно лезет через ворота.

Она ушла, пока он подбирал ответ. Лев посмотрел ей вслед, затем ещё раз открыл снимок привода. Теперь сердитый тон письма звучал у него в голове её голосом.

Обход занял больше часа. Холт показала помещения, где смогут оставаться следующие группы, душевые, столовую, закрытый пока жилой корпус. Отец задавал вопросы о воде, энергоснабжении и числе мест. Почвовед внезапно спросил, можно ли открыть окно. Ему разрешили, и он долго возился с непривычной ручкой, пока не подошёл человек из охраны.

Во дворе между корпусами росло небольшое дерево. Его ствол был тоньше руки Льва, а листья, узкие и светлые, непрерывно поворачивались на ветру. Мать отстала от группы, присела у корней и подняла комок земли. Старик из лаборатории присел рядом. Они заговорили вполголоса. Отец заметил, что их не хватает, вернулся, хотел поторопить и остался стоять над ними.

— Мы теперь в лабораторию, — сказала мать, не поднимая головы. — Вы не ждите.

— К восемнадцати.

— Мирон, у меня тоже есть часы.

Лев улыбнулся. Отец увидел улыбку.

— А тебе куда?

— В мастерскую. Тут попросили с приводом помочь.

— Кто попросил?

— Лея Сандер. Инженер. Я вчера тебе говорил, что взял технический канал.

— Про канал говорил. Про работу нет.

— Это не работа. Посмотреть.

Отец помолчал. Лев почувствовал, как по шее поднимается знакомая горячая полоса: сейчас скажут, что он не должен обещать незнакомым людям того, о чём ещё не доложил. Но отец только спросил адрес, велел не отключать связь и пошёл догонять Холт.

Лев спустился по широкой лестнице к берегу.

Здесь пахло водорослями. Под бетонной кромкой шевелилась зелёная вода; несколько лодок покачивались возле пристани. Привязанные к бортам мягкие баллоны поскрипывали о край, и этот звук почему-то рассмешил его. Он знал, как работают причалы. Видел тысячи записей. Однако лодка на записи не тёрлась о берег с таким возмущённым, почти человеческим скрипом.

Дорога к третьему пирсу шла мимо столовых навесов. Женщина в белом фартуке переворачивала на жарочной плите плоские лепёшки. Лев остановился. Никакого голода он ещё не чувствовал, но запах был такой, что уйти сразу не получилось.

— С чем? — спросила женщина.

— А с чем есть?

Она показала на табличку. Он прочёл, выбрал рыбу, потом заметил у края плиты другую начинку.

— А можно вот с этим?

— Можно. Следующую.

— Эту ещё не завернули.

— Молодой человек, я её уже начала. Выберите себе что-нибудь одно, а остальное попробуйте завтра.

Она завернула лепёшку с рыбой, сложила в бумажный карман и протянула. Лев полез за своим прибором. Женщина ткнула пальцем в браслет посетителя.

— Сегодня питание включено. Поднесите сюда. Две горячие порции до конца визита.

Он поднёс руку. На маленьком экране появилось его имя и оставшаяся порция. Всё было непривычно просто. На корабле тоже существовали допуски и личные счета, но там женщина знала бы его с детства и спросила, когда у Рады созреют маленькие красные помидоры.

— Спасибо, — сказал он.

— Осторожно, течёт.

Он успел откусить прежде, чем услышал предупреждение. Горячий сок попал на подбородок. Женщина протянула салфетку с выражением человека, который уже ничему не удивляется.

Возле синей крыши стояли три погрузочные тележки. Две выглядели почти новыми, третья — как аппарат, снятый со старой учебной записи. У неё был открытый бок, а рядом на коврике лежал привод с разобранной муфтой. Лея сидела на низком ящике и держала в руках сколотую втулку.

— Посмотрел планету? — спросила она.

— Не всю.

— У нас до обеда успеешь ещё одну осмотреть, если эту соберём.

Лев поставил недоеденную лепёшку на пустой край ящика и присел перед приводом. На его корпусе сохранились четыре квадратных гнезда старого образца. Такие устройства до сих пор работали на грузовых направляющих «Рубежа». Он взял втулку у Леи, повертел и спросил, почему не поставили цельную.

— Потому что у нас её нет.

— Сделать?

— Сделают. Во второй половине дня. А к нам через сорок минут идёт груз, который надо убрать с пирса до следующего судна.

— Здесь две новые машины.

— Здесь две новые машины на два других пирса. Они уже должны были уйти. Мы их придержали на случай, если не соберём эту.

Лев положил втулку на коврик. По краю излома выступала тёмная смазка. На корабле он бы забраковал деталь и заказал замену, а тележку закрепил до следующей смены. Здесь рядом шла вода, по расписанию приходило судно, и чужая поломка занимала чужое время. От этой простоты у него приятно стянуло кожу между лопатками.

— Сама втулка нагрузку держит? — спросил он.

— Пока нет. Поэтому я и сижу здесь, а не гоняю её по площадке.

— Я не это имел в виду. На наших версиях была обходная передача. Медленная, на половину груза. Покажи крышку с другой стороны.

Лея развернула корпус. Лев узнал расположение гнёзд и почти уже сказал, что всё понял, но увидел новый блок управления. Местные заменили половину схемы.

— Так, — сказал он. — Это уже не наше.

— Вот теперь знакомимся, — ответила Лея.

Из ангара вышел пожилой мужчина с короткой бородой и сложенной лестницей на плече. Лея назвала его Данилом. Данил поставил лестницу, поздоровался и не стал спрашивать, каково жить всю жизнь на корабле. Вместо этого показал, где в шкафу хранятся схемы переделок.

Следующие двадцать минут Лев смотрел меньше на море, чем собирался.

Они нашли старую передачу, проверили, можно ли управлять ею после переделки, и сняли кожух. Лев дважды порывался подать питание раньше, чем Данил уберёт руки, и дважды останавливался сам, с досадой обнаружив, что торопится показать знакомое движение. Лея не подгоняла. Она присела рядом, сверяла сигналы и записывала ограничения на боковой панели, чтобы следующий водитель не принял временно ожившую машину за исправную.

Когда тележка наконец подняла пустую платформу, Лев невольно улыбнулся.

— Рано, — сказала Лея. — Теперь нагрузка.

Данил принёс мерные грузы. Они проверили подъём и остановку, потом отвели машину на огороженный участок и провели ещё один цикл. Лев шёл сбоку, глядя, не поведёт ли плат-

форму. Под ногами хрустели мелкие камни; каждый раз, когда он отрывал глаза от механизма, за ним появлялась вода.

— Хватит на сегодня, — сказала Лея после последнего спуска. — Спасибо.

Лев хотел ответить что-нибудь лёгкое, но вдруг понял, что она действительно благодарит за сделанную работу. Не поздравляет с прибытием, не хвалит полковничьего сына и не вежливо выслушивает гостя.

Он ответил:

— Пожалуйста.

Привели водителя. Лея показала ему новые отметки и объяснила ограничение. Лев стоял рядом, готовый добавить подробность, но не понадобилось. Водитель повторил, что понял, и медленно повёл тележку к пирсу. Две новые машины освободились и уехали в другую сторону.

— Ты до какого часа? — спросила Лея.

— В восемнадцать сбор.

— Значит, ещё можно поработать.

Она улыбнулась первый раз, и Лев не сразу сообразил, что это шутка.

Вместо работы они пошли к умывальнику за ангаром. Вода была холодной, кран открывался боковым рычагом. Лев тщательно вымыл руки, потом ещё раз намылил правый локоть. Пятно стало светлее и шире.

Лея смотрела на него, прислонившись к стене.

— У вас всем такую выдают?

— Что?

— Форму.

— Для работы другую. Эту на выход.

— Красивый у вас выход.

Он хотел сказать, что отец велел, и не сказал.

— Мы так привыкли.

Лея кивнула, словно это был достаточный ответ, и повела его на дальнюю сторону мастерской. За стеной начиналась узкая полоса песка. К ней спускались четыре бетонные ступени, нижнюю то и дело заливало водой.

— Здесь можно сидеть, — сказала она. — Туда дальше пока не ходи. Там провал после ремонта берега.

Они сели на верхнюю ступень. Лев достал оставшуюся половину лепёшки; она остыла и оказалась ещё вкуснее. Лея отломил кусочек, когда он предложил, и крошки попали ей на колено. Она смахнула их в воду.

— Рыбы подойдут? — спросил Лев.

— Может быть.

Он стал смотреть вниз. Лея некоторое время терпеливо смотрела вместе с ним.

— Ты можешь меня не развлекать, — сказал он наконец. — Я правда никогда этого не видел.

— Чего?

— Вот этого.

Он показал на воду, на дальние лодки, на собственные колени над ступенью и сразу почувствовал, как нелепо выглядит этот жест. Лея не засмеялась.

— А я кораблей таких не видела, — сказала она. — У нас в школе был рисунок. Все думали, вы давно повернули назад.

— Мы не могли повернуть. Топливо, время, всё рассчитано.

— Совсем не могли?

Лев вспомнил школьную задачу о развороте экспедиции, дополнительные годы, запас рабочей массы, заседание, которое разбирали на занятиях по истории флота. Там было много чисел. самого решения он никогда не видел — только вывод из него.

— Наверное, могли бы, если очень рано. Потом уже нет.

— А связь? Мы же вам всё время...

— Нам рассказывали про сообщения.

Лея посмотрела на него, ожидая продолжения. Лев отломил ещё кусок лепёшки и обнаружил, что не хочет объяснять. Если скажет «пропаганда», это прозвучит глупо. Если скажет «все знали», получится, что они нарочно летели восемьдесят лет воевать с людьми, которые не хотят воевать. На корабле между этими ответами помещалась обычная жизнь: работа, дежурства, родители, смешные записи от знакомых с «Кедра». Здесь она почему-то не помещалась.

— А ты знала, что мы придём? — спросил он.

— Я — год назад. Когда начали готовить жилые корпуса. До этого думала, что вы такая старая история. Вроде первых неудачных посадок.

— Нам двадцать два года.

Лея подняла брови.

— Мне двадцать четыре.

— Я не про тебя. Я про...

Он рассмеялся. Она тоже. Потом оба замолчали, и теперь молчать было легче.

По воде прошла длинная тень. Небольшая лодка двигалась к причалу, и Лев смотрел, как нос режет поверхность. В школьном бассейне вода всегда возвращалась к тому же борту. Здесь след расходился и исчезал, не успев до чего-нибудь дойти.

— Ты здесь постоянно работаешь? — спросил он.

— Четыре года. Сначала стажёром. Потом Данил ушёл руководить участком, а я осталась разгребать то, что он после себя оставил.

— Я слышу, — донеслось из-за стены.

— Я знаю! — крикнула Лея и повернулась обратно к Льву. — У тебя служба надолго?

— Десять дней.

— И всё?

— Первый обязательный срок. Дальше продлевать или на гражданскую работу. Обычно все продлевают.

— Почему?

Лев покрутил в пальцах пустую бумагу.

— А куда идти? Мы жили в одном корабле. Можно в другую службу, можно на «Кедр», если место есть. Всё равно тот же поход.

— Теперь место есть здесь.

Он посмотрел на неё. Лея сидела, положив локти на колени, и шурилась от отражённого света. Она говорила про мастерскую. Просто про мастерскую, потому что им не хватало людей. Лев это понимал и всё-таки чувствовал, как от её слов становится тепло.

— У меня нет ваших допусков.

— Получишь. Если захочешь. Твою тележку мы уже проверили.

— Она не моя.

— Это хорошо. А то ещё платить пришлось бы.

Сзади хлопнула дверь. Данил принёс три кружки с чаем, поставил две на ступень и сел чуть выше. Некоторое время они пили молча. У Льва гудела голова от света, новых запахов и того, что в каждом направлении что-нибудь двигалось. Он не хотел уходить под крышу, хотя там было бы спокойнее.

— Устроим тебе сегодня временную запись в мастерскую, — сказал Данил. — Чтобы не объяснять каждый раз на проходной. Паспорт с собой?

Лев кивнул.

— И разрешение твоего начальства на работу в оставшиеся дни. Без него не буду. Нам здесь своих неприятностей хватает.

Лев посмотрел на экран связи. От отца было короткое сообщение: «Где ты?» Он написал: «Третий пирс, ремонт, всё нормально». Потом добавил: «Мне предлагают стажировку».

Сообщение ушло. Ответа не было.

Внезапно на воду упала капля, за ней другая. Лев поднял лицо. Солнце ещё светило над дальними крышами, но над мастерской уже нависло серое облако. Лея схватила кружку и вскочила.

— Накидку дали?

— Да.

— Где?

Лев вспомнил, как положил пакет в сумку матери, чтобы не таскать его во время обхода.

— В лаборатории.

— Удобно.

Они добежали до двери, и тут дождь пошёл всерьёз. Вода забарабанила по металлическому козырьку, потекла по стене, вычертила на бетоне тёмные дорожки. Данил, шедший последним, спрятал свою кружку под куртку, словно именно её было важно не намочить.

Лев стоял в открытом дверном проёме. Холодные капли били по кистям. Он протянул руки дальше, под струю с края козырька, и несколько секунд держал их так.

— Заболеешь — возвращать некому, — сказала Лея за его спиной.

— Отец здесь.

— Тогда есть кому.

Прибор на поясе коротко завибрировал. Лев вытер ладонь о мокрые брюки и прочёл ответ: «Обсудим на корабле. Время сбора помнишь».

Он убрал прибор. На столе возле двери лежали снятая муфта и сломанная втулка. Лев спросил, куда складывают забракованные детали, и вернулся в мастерскую.

Глава 3. Незакрытое небо

К началу дождя Рада успела поссориться с лаборанткой, извиниться и обнаружить, что та всё это время была права насчёт маркировки.

На корабле цветная полоса означала день отбора. Здесь — способ хранения. Рада увидела красную наклейку на контейнере с корнями и решила, что образцы перепутали, хотя время отбора было напечатано рядом, крупно, в понятных ей цифрах. Лаборантка выслушала её до конца, повернула контейнер другой стороной и показала дату.

Теперь Рада стояла над столом, рассматривала корни через прозрачную стенку и очень старалась не объяснять, почему ошибиться было легко.

— У нас иначе, — сказала она наконец.

— Я поняла.

Лаборантку звали Вера. Она была круглолицая, с большими тёмными глазами, и носила белый халат поверх платья с жёлтыми рыбами. Рыбы выглядывали из-под полы всякий раз, когда Вера наклонялась к нижним ящикам. Рада уже успела подумать, что в такой одежде неудобно работать, и теперь запретила себе иметь об этом мнение.

За стеклянной стеной зеленели столы с рассадой. По крыше застучало. Рада подняла голову.

— Обычный дождь, — сказала Вера.

— Слышу.

— Вы так посмотрели.

Рада отодвинула контейнер.

— Можно выйти?

— Конечно. Только халат здесь оставьте.

Во двор вела узкая дверь. Рада повесила выданный халат на крюк, перешагнула порог и попала под холодную крупную воду. За две секунды намокли лоб и волосы. Она отошла от стены, чтобы на неё не текло с крыши, подняла лицо и зажмурилась.

Дождь был слишком настоящим. На записи он всегда существовал для того, кто смотрел: красивый, грустный, торжественный. Здесь он лез в нос, бил по векам, стекал за ворот и совершенно не интересовался тем, что Рада ждала его сорок один год.

Она засмеялась, прикрыв рот ладонью.

Из двери выглянул Юрий Осипов — тот самый старик, который встречал их с бумажной папкой. Теперь папку он держал над головой. С неё бежали две струи прямо ему на плечи.

— Вы долго? — спросил он.

Рада попробовала ответить и получила воду в рот.

— Минуту!

— Тогда я чай поставлю.

Он ушёл. Рада осталась одна посреди маленького служебного двора, в котором стояли тележка с мешками, пустой ящик и большое ведро с трещиной у ручки. Ничего красивого. Она подумала, что обязательно расскажет Мирону именно про это ведро, иначе он решит, будто она сочиняет.

Когда она вернулась, Вера принесла полотенце и сухую рабочую куртку. Её собственную повесили над вытяжной решёткой. Рада переоделась за шкафом и села пить чай, чувствуя, как мокрые носки остывают в ботинках.

— Первый раз без потолка? — спросил Осипов.

— Не первый. Утром уже была.

— Я имею в виду вообще.

— Тогда первый.

Осипов сунул ложку в банку варенья. Рада потянулась отодвинуть банку от документов, но он успел сам, не глядя.

— Я в девятнадцать впервые поднялся на станцию, — сказал он. — Думал, вся жизнь теперь там пройдёт. Через четыре дня попросился обратно.

— Почему?

— Не понравилось.

— А что именно?

— Всё.

Рада рассмеялась. Ей понравилось, что он не стал придумывать красивую причину.

На соседнем стуле лежали её сумки. Из одной торчала накидка Льва. Рада вспомнила, как он утром сунул ей пакет, и отправила сообщение: «Твоя защита от погоды у меня. Обнаружила с большим опозданием». Сын ответил не сразу: «Тут тоже мокро. Всё хорошо». Она представила, как он стоит под тем же дождём, только где-то за лабораторными корпусами, возле моря. На корабле Рада знала почти все места, где мог оказаться сын. Теперь между ними помещались неизвестные улицы.

Она попробовала понять, страшно ли ей. Пока было любопытно.

Осипов развернул её ведомость семенного фонда.

— Вот это вы всё действительно сохранили?

— И это, и ещё часть на «Севере». Здесь только наш сектор.

— Без обновления с Земли?

— Откуда нам было обновлять?

— Я не про новые поставки. Про выбор линий. Вы меняли их в дороге?

— Разумеется. Что давало плохие семена, убирали. Что не выдерживало наш свет, тоже. Но исходный запас у нас отдельный.

Он провёл пальцем по нескольким строкам, остановился на маленьких томатах и попросил подробные записи по урожаю. Рада открыла их. На экране появилась фотография грядки, снятая три года назад: красные кисти, чёрная трубка, рука Льва с откушенным помидором. Она собиралась убрать снимок и не убрала.

— Помощник? — спросил Осипов.

— В основном едок.

— Хорошая специальность. Вы сами это вели?

— Последние шестнадцать лет. До меня мать.

Слово прозвучало неожиданно. Рада редко говорила о матери на работе: там всё и так было её — стол, старые записи, сортировочная рамка, привычка поднимать листья тыльной стороной пальцев. Мать умерла шесть лет назад, но в садовом секторе это ощущалось иначе, чем в квартире. В квартире её не было. В секторе до сих пор находились вещи, которые она велела поставить именно сюда.

— Она агрономом была? — спросил Осипов.

— Да.

— С Земли?

— Нет. На Земле родилась бабушка. В Астрахани.

Он поднял голову.

— У моего деда мать была астраханская. А он уже здесь родился.

— У вас остались записи?

— Кое-что. Дед утверждал, что его мать умела отличать рыбу по одному запаху. Даже если рыбы ещё не принесли.

— У бабушки всё время была река, — сказала Рада. — Она рассказывала, как жила возле большой реки. Волга. Я потом смотрела карту и не могла понять, зачем людям столько воды, если они всё равно селятся на берегу.

— Чтобы жаловаться, когда она поднимается.

Рада улыбнулась. До этого утра она знала Астрахань по бабушкиным словам и старым изображениям. Теперь неизвестный человек на другой планете тоже знал про неё семейную историю. Никакой важной новой информации в этом не было, но комната вдруг перестала казаться чужой.

Осипов вернулся к ведомости. Он не был сентиментален в работе: несколько вариантов сразу отложил, о двух сказал, что здесь есть лучше, а одну строку попросил пометить для отдельного опыта.

— Нам нужны ваши компактные линии, — объяснил он. — Для закрытых хозяйств севернее. Там свет дорогой, тепло тоже. Не факт, что подойдут. Но проверить стоит.

— На весь посёлок сразу не дам.

Он взглянул поверх очков.

— А я и не прошу.

Рада почувствовала, что снова разговаривает так, будто вокруг неё люди, которым надо объяснять очевидное. Она откинулась на спинку стула.

— Простите. У нас с этого начинается каждый разговор. Сначала все хотят побольше, потом выясняется, что помещение не готово.

— Помещение здесь тоже бывает не готово. Но если я сейчас предложу посадить ваши томаты в поле, Вера меня выгонит раньше, чем вы успеете возмутиться.

За стеклянной стеной Вера, не слышавшая разговора, несла поддон с маленькими светлыми растениями. Она поставила его в пустой бокс и записала что-то на табличке. Рада следила за её руками и успокаивалась. В чужом хозяйстве оказались знакомые движения: не задеть листья, не положить грязную крышку на чистый стол, сначала проверить номер, потом переносить.

После чая они работали почти до самого сбора. Осипов отвёл им отдельный стол и предложил составить первое испытание на небольшой партии. Рада выбрала семена, указала исходную партию и дату, а Вера переписала их номера в местную систему, каждый раз читая вслух. Теперь Рада не пыталась угадывать значение цвета. Спрашивала.

В конце Осипов показал ей хозяйственный двор за теплицами. Дождь перестал, под деревьями капало. За низкой оградой лежали несколько длинных гряд, пока пустых. На крайней темнели остатки прошлых стеблей.

— Здесь можно будет сравнивать, — сказал он. — После закрытых проб. Если у вас появится человек на постоянную работу.

— На какой срок?

— Для начала на полгода. У нас есть место и средства на исследование. Нужен тот, кто знает ваш материал. Из отчёта я узнаю, что растение делало. Хочу, чтобы рядом был кто-то, кто видел, как оно это делало.

Рада смотрела на гряды. Она представляла себе другую землю: огромную, сияющую, с ровными рядами по склону и собственным домом рядом. Здесь были грязные доски, сетка, криво стоявший бак. Вода с крыши капала на перевёрнутую тачку. Если взяться за этот участок, сначала придётся убрать старые стебли, проверить почву, поправить полив. Всё то же, что дома, только можно выпрямиться и не увидеть над собой ничего.

— Общежитие есть? — спросила она.

— Есть. Небогатое.

— Я не про богатство.

Осипов молча подождал.

— Мне надо посмотреть график, — сказала Рада. — И договориться на корабле. Я не могу просто не вернуться.

— Я и не предлагаю сегодня. Пришлю условия.

Она попросила прислать.

До приёмного корпуса её подвезли. В машине было тепло; мокрые ботинки она поставила на маленькую решётку у пола и всю дорогу смотрела в окно. Улицы мелькали между заборами, открывались короткие боковые проходы, люди шли куда-то с сумками, ребёнок тащил по луже игрушку на длинном шнуре. Возле одного дома двое мужчин поднимали тяжёлую створку ворот, а третья, пожилая женщина, стояла рядом и явно объясняла, как надо было делать с самого начала. Рада улыбнулась. Ничего из увиденного не собиралось закончиться с их вечерним отлётом.

В приёмном корпусе Мирон уже ждал.

Он стоял у окна без фуражки. На столе рядом лежал маленький прозрачный пакет с камнем и две тонкие папки. Камень был серый, гладкий, с белой прожилкой. Рада взяла пакет, повертела.

— Красивый.

— Разрешили привезти. Обработали.

— А собака?

— Можно после осмотра. Я хозяйке всё отправил.

— А Нинин муж?

Мирон кивнул в сторону дальнего окна. Там сидели Нина и незнакомый Раде мужчина в рабочей форме «Севера». Держались за руки. Между ними на скамье лежала пустая обёртка; мужчина, заметив их взгляд, свободной рукой сложил её и убрал в карман.

— Белик дала место на техническом рейсе, — сказал Мирон. — А Нину взяли вторым нашим.

Рада смотрела, как Нина поправляет мужу воротник. Она не знала его достаточно хорошо, чтобы вспомнить имя, хотя про двадцать один год их брака слышала бесчисленное количество раз. Сегодня можно было подойти и познакомиться. Но Мирон взял её за локоть.

— Это твоя куртка?

— Нет. Моя промокла. Эту дали.

— Что с тобой случилось?

— Дождь.

Он посмотрел на неё так, будто хотел проверить, шутит ли она. Рада поцеловала его в угол рта. Воротник у него пах нагретой тканью и немного пылью.

— А у тебя?

— Переговоры.

— Промок?

— Примерно.

Он улыбнулся и сразу перестал. Рада увидела, как он устал. Не так, как после аварийной тревоги или длинных учений, когда напряжение ещё держит плечи, а глаза блестят. Сейчас он выглядел человеком, который весь день объяснял одно и то же и ни разу не был уверен, что его поняли.

— Лев скоро будет, — сказала она.

— Он сообщил.

— Что у него там?

— Работа. Предлагают работу.

— Это плохо?

Мирон поднял ладонь, прося пока не продолжать. Рада оставила его у окна и пошла к Нине.

Мужа звали Арсений. Он был маленький, коренастый, с глубоко посаженными глазами и тонкими тёмными волосами, собранными в хвост. Рада ожидала, что они расскажут про море. Нина вместо этого принялась жаловаться на ступени: слишком высокие, слишком широкие,

всё время приходится смотреть под ноги. Арсений добавил, что в столовой неправильно расставлены сиденья, из-за них неудобно носить подносы.

— Вам не понравилось? — спросила Рада.

Они одновременно посмотрели на неё.

— Понравилось, — сказала Нина.

— Очень, — сказал Арсений.

Нина опять взяла его за руку.

Лев пришёл без пяти шесть. Волосы высохли беспорядочными прядями, на брюках темнели пятна, а в руках он нёс бумажный пакет. Рада собралась спросить, что это, но сын сразу поставил пакет на стол перед ней.

— Вам. У меня ещё порция оставалась.

Внутри лежали две половины горячей лепёшки. Мирон хотел что-то сказать, однако Рада уже отломил кусок и подала ему. Он взял, продолжая смотреть на сына.

— Спасибо, — сказал наконец.

До челнока шли вместе. На площадке ещё блестели лужи; над корпусами светлело небо, по местным часам до вечера оставалось долго. Лев держал мать под руку, хотя она не нуждалась в поддержке. Рада позволила. Мирон шёл с другой стороны, неся обе её сумки.

Обратный полёт она почти весь проспала. Сначала прижимала коленями пакет с мокрой курткой, потом Лев забрал его и закрепил в сетке. Ей снился служебный двор, в котором шёл дождь. Во сне она никак не могла вспомнить, где перекрывается вода, хотя знала, что никто её перекрывать не просил.

Проснувшись уже у пристани, когда зашумела вентиляция переходного отсека. Мирон расстёгивал ремень. На его коленях лежал тот самый камень, теперь уже без внешнего пакета: он рассматривал белую прожилку. Заметив, что Рада открыла глаза, убрал камень обратно.

— Который час? — спросила она.

— Двадцать один десять. Пойдём домой.

В жилом кольце их встретили так, будто они вернулись из первого дальнего рейса, а не провели на планете один день. У подъёмника собрались соседи, дети, двое людей с хозяйственной смены, которые должны были уже уйти на работу. Все хотели услышать, как там. Рада сказала, что мокро. Лев — что хорошо. Мирон начал рассказывать про жилой корпус, и его немедленно стали перебивать вопросами.

Камень достался мальчику с третьего уровня. Он долго рассматривал его на ладони, потом спросил, почему только один. Мирон ответил, что следующий тот привезёт сам. Мальчик серьёзно кивнул и побежал показывать находку матери.

До квартиры добрались через полчаса.

Пока Мирон переодевался, Рада вынула из сумки сухую накидку Льва и повесила на спинку стула. Собственную мокрую куртку — на крючок у вытяжки. От ткани пахло лабораторным двором, и она на секунду прижала её к лицу.

— Завтра опять? — спросил Лев.

— Если будет место.

— Я тоже хочу.

Мирон вышел в домашней рубашке, застёгивая последнюю пуговицу.

— Завтра у тебя смена в посадочной службе.

— Я знаю. После смены.

— После смены ближайший спуск послезавтра утром.

Лев помолчал.

— Можно поменяться с Гошей.

— Можно сначала узнать, хочет ли Гоша.

— Он хочет. Мы уже договорились.

Рада подняла глаза. Мирон тоже перестал застёгивать рубашку.

— Когда?

— Пока летели обратно. У него сестра на «Кедре», он давно хотел попасть в рейс туда.

Я возьму его дежурство потом.

— Это не ты решаешь.

— Начальник службы согласен. Ты можешь открыть сообщение.

Мирон взял свой прибор со стола. Рада видела его лицо и знала, что сообщение там есть.

Если бы его не было, он сразу повернул бы экран к сыну.

— Разрешение на стажировку, — сказал Мирон. — Ты уже всё оформил?

— Нет. Мне сказали принести разрешение. Поэтому я и спрашиваю.

— Ты не спрашиваешь. Ты договорился со всеми, кроме меня.

Лев выпрямился.

— Потому что я знал, что ты скажешь.

— Тогда зачем пришёл?

Рада шагнула от двери к столу.

— Мирон, он живёт здесь.

Муж посмотрел на неё, потом на сына. Лев стоял у своей комнаты, положив руку на дверной косяк. В детстве он точно так же держался, когда хотел, чтобы его оставили в покое, но сам ещё не решался уйти.

— Покажи условия, — сказал Мирон.

Сын подошёл к столу. Рада подвинула ему стул и поставила перед обоими стаканы воды. Ей хотелось уйти, чтобы не превратиться в человека, который переводит их слова с одного языка на другой. Но если уйти, придётся прислушиваться за дверью, и это было ещё хуже.

Лев открыл письмо Данила. В письме не было ни обещания немедленного увольнения, ни огромной зарплаты, ни приглашения бросить корабль. Несколько часов работы в дни, свободные от службы, затем разговор о постоянном месте. Учёт опыта, местное обучение, оформление допуска. Рада читала через плечо мужа. Условия выглядели скучнее, чем её собственное предложение, и от этого были особенно убедительны.

— На десять дней, — сказал Мирон. — Без ночёвок. Служебные обязанности в первую очередь.

Лев быстро кивнул.

— Пап, я не собирался...

— Дай договорить. Если возникает задача у нас, ты возвращаешься. И до окончания срока ничего постоянного не подписываешь.

— После окончания можно?

Мирон откинулся на спинку стула.

— После окончания поговорим.

Лев посмотрел на мать. Она удержалась и ничего не сказала. Мирон взял стилус и поставил подпись под временным согласованием. Сын скопировал документ, поблагодарил и ушёл в свою комнату так быстро, словно подпись могла исчезнуть, пока он не успел её отправить.

Рада села напротив мужа.

— Ты ведь понимаешь, что он хочет остаться? — спросила она.

Мирон некоторое время смотрел на закрывшуюся дверь.

— Ему там понравилось.

— Мне тоже.

— Я заметил.

Она почувствовала, как хочется ответить резко, перечислить всё, что он не заметил за последние годы, и поразились, насколько легко хороший день мог превратиться в такой разговор. Вместо этого взяла его руку. Мирон не отстранился.

— Мне предложили работу на полгода, — сказала Рада. — С нашими семенами. Испытательный участок.

Он посмотрел на неё.

— Ты согласилась?

— Попросила условия.

— А здесь кто?

— Тома. Если подготовить смену. Ты же знаешь, она давно всё умеет.

— Она умеет, пока ты рядом.

Рада убрала руку.

— Не надо так говорить про моего человека. Ты её работы не знаешь.

— Я про то, что это не делается за день.

— И я не за день.

Они замолчали. В вентиляции что-то негромко щёлкнуло. Через стену доносилась вода: Лев наконец добрался до душа. Расходомер над дверью быстро набирал литры, а Мирон впервые за вечер на него не посмотрел.

— Я сегодня видел участок, который они предлагают для размещения, — сказал он. — Далеко от порта. Воды достаточно, дороги нет. Земля общая, управление их. Холт говорит, помогут строить.

— И?

— Мы не сможем разместить там сразу всех.

— Конечно, не сможем.

— Значит, часть остаётся на кораблях. Люди, дежурства, снабжение. Если все хорошие специалисты уйдут первыми, кто будет держать это в работе?

Рада хотела ответить, что все хорошие специалисты имеют право жить. Фраза была верная и совершенно бесполезная. Она сама только утром оставила Томе полный сектор, две сложные пересадки и заболевшего работника, потому что лететь первой имела право начальница.

— Надо сделать график, — сказала она. — Нормальную передачу. Чтобы люди знали, когда смогут уйти.

— А если я не знаю, когда?

— Тогда не обещать, что никто никогда не уйдёт.

— Я такого не обещал.

— Льву сейчас почти пообещал.

Мирон устало потёр лицо. Рада поднялась, подошла к шкафу и достала две чистые тарелки. Есть хотелось страшно, несмотря на лепёшку. В холодильном отделении нашлась вчерашняя запеканка. Она поставила её разогреваться и впервые за день подумала, что стоит поблагодарить себя за то, что приготовила заранее.

Мирон встал рядом, взял нож и принялся резать хлеб.

— У тебя волосы пахнут иначе, — сказал он.

— Чужим полотенцем.

Он наклонился к её виску. Рада на секунду закрыла глаза. Так они стояли, пока не подал сигнал нагреватель, и никакого решения за это время не нашли.

После ужина Мирон ушёл на связь со штабом. Рада отправила Осипову просьбу прислать подробный график и условия проживания, потом вызвала Тому. Та появилась на экране в рабочем фартуке, с красными от усталости глазами. За её плечом горел свет третьей теплицы.

— Ну как там? — спросила Тома.

Рада собиралась рассказать про дождь. Вместо этого спросила, почему смена ещё не закончена.

— Вторая линия забилась. Промываем. Ничего страшного, утром будет готово.

— Кто с тобой?

Тома назвала двоих. Ни одного не было в ночной смене по плану.

— Вы сколько работаете?

— Рада Ильинична, мы справимся. Вы отдыхайте.

За экраном кто-то позвал Тому, и она повернула голову. Рада увидела край мокрого пола, ведро, снятую панель. Её служебный двор на планете стоял перед глазами почти так же ясно, но теперь между двумя местами было трудно выбрать только одно.

— Подожди, — сказала Рада. — Я сейчас приду. И утром садимся делать график высадок. Для всей смены.

Тома открыла рот, но Рада уже закончила вызов.

Она достала из шкафа рабочие брюки и сухую корабельную куртку. У двери остановилась, поправила мокрую вещь на крючке, чтобы к утру лучше просохла, и пошла в садовый сектор.

Глава 4. Место для флота

На следующий день Мирон пришёл в посадочную службу раньше своей смены и обнаружил там очередь.

Люди стояли вдоль стены, сидели на ящиках, держали на коленях детей. Кто-то принёс складной стул. На дверях висело объявление, что предварительная запись ведётся через внутреннюю сеть; ниже кто-то приписал от руки: «А ответа нет».

Дежурный лейтенант при виде Мирона вскочил.

— Я объясняю, товарищ полковник. Они всё равно...

— Вижу.

Первой поднялась женщина со стула. Мирон знал её: работала в очистке, дважды получала награду за аварийные смены. Сейчас на ней была светлая блузка, а на коленях лежала сумка с застёжками, какие давно не выпускали.

— Мне сказали ждать распределения, — сказала она. — Я готова ждать. Только где именно? Дома ждать или здесь?

Из-за её плеча кто-то добавил, что с «Севера» вчера пустили родственников, а их рейс отменили. Другой голос возразил, что рейс не отменили, а мест не было. Двое начали выяснять, кто первым подавал заявку.

Мирон поднял руку.

— К сегодняшнему рейсу списки закрыты. Это не значит, что остальные не полетят. Сколько человек уже записалось?

Последний вопрос он задал лейтенанту. Тот показал экран.

Мирон посмотрел на число, затем на ожидающих. Почти треть «Рубежа». За одну ночь.

— Дайте мне место, — сказала женщина со стулом. — Я не хочу гулять. Я хочу отнести цветы.

В сумке у неё лежала низкая плоская коробка. Она раскрыла край: внутри темнели сухие стебли, перевязанные нитью. Такие букеты хранили в памяти о людях, которых уже нельзя было похоронить на берегу. Мирон видел их на поминальных столах и прежде не думал, сколько таких коробок ждёт в жилом кольце.

— Кому? — спросил он, хотя спрашивать не следовало.

— Мужу. Себе. Я ещё не решила.

Мирон присел перед её стулом, чтобы не разговаривать сверху.

— Сегодня я вас не посажу. Но к обеду будет расписание ближайших дней. С вашей фамилией. Я прослежу.

Она закрыла сумку.

— Только чтобы не как раньше. «После прибытия». Мы уже прибыли.

Он кивнул.

Оставив лейтенанту указание собрать заявки по дням, Мирон прошёл в служебный отсек. Там пахло свежим кофе и разогретой пластмассой. Тропин, сидевший у стенки, поднял голову от проверки маршрута.

— Если разрешишь, я буду гонять пустой аппарат. Без людей. Очень полезно для нервов.

— Внизу принимают только по окнам.

— Я знаю. Поэтому пустой. Нас никто не заметит.

Мирон сел рядом. На экране двигались четыре отметки кораблей и несколько местных станций. После дальнего полёта флот разнесли вдоль орбиты; здесь нельзя было просто лететь от соседа к соседу, как по коридору. Каждая встреча требовала своего расчёта. Тропин вёл аппараты давно и ничего не имел против расчётов. Против очереди за спиной имел.

— До «Севера» сегодня кто идёт? — спросил Мирон.

— Мы. Отдаём сменный блок, забираем людей Белик. Потом вниз. Ты с нами?

Мирон открыл расписание. Через полтора часа начиналось совещание капитанов. Адмирал прислал запрос присутствовать; Хольт согласилась выйти на общую связь после него.

— С вами. До «Севера».

— А вниз?

— Посмотрим.

Тропин покрутил в пальцах карандаш.

— У тебя сын уже отметился. Согласование есть, я проверил.

— Знаю.

— Хороший парень.

— Эмиль.

— Всё. Молчу.

Пилот вернулся к маршруту. Мирон ещё минуту смотрел на открытый список заявок. Женщина из очистки записалась ночью, одной из первых, но у неё не было ни специальной служебной задачи, ни приглашения от принимающей стороны. Из-за этого её заявление осталось в общей очереди, а инженер с приглашением прошёл вперёд. Лев.

Мирон закрыл экран.

На «Севере» он не бывал почти три года. Большое кольцо занимали длинные жилые секции и хозяйства; за прозрачными перегородками стояли деревья, между ними петляли узкие дорожки. Здесь было просторнее, чем на «Рубеже», и тише. На стенах не висело свежих флагов. Зато повсюду появились объявления о высадке: что взять, куда обратиться, как записать ребёнка в первую ознакомительную группу.

Ива Белик встретила его у перехода с мокрой тряпкой в руке.

Мирон посмотрел на тряпку.

— Извини, — сказала она. — На стол кофе пролили. Если оставить, потом всё приклеивается.

Она была невысокая, с короткими жёсткими волосами и такой прямой спиной, будто её форма застёгивалась не спереди, а вдоль позвоночника. Увидев его взгляд на объявлениях, Белик сказала:

— Людям надо что-то знать. Если не написать, сами напишут.

— У нас уже написали.

— Видела. Картинку прислали.

Она провела его в комнату связи. На столе остался влажный круг, рядом сохли листы. Белик повесила тряпку на спинку стула и включила общий канал. Коршун уже ждал. Справа от него открылось окно командира «Упорного» Павла Седнева, слева — главного инженера «Кедра». Последний присутствовал вместо заболевшего капитана и сразу предупредил, что через двадцать минут ему надо вернуться в цех.

— Значит, уложимся, — сказал Коршун.

Не уложились.

Сначала обсуждали воду. Потом обмен запасными частями. Потом места для людей, которых приглашали на берег с постоянной работой. Седнев сообщил, что с «Упорного» подали уже больше сотни запросов на предварительное признание специальностей, и спросил, кто разрешил передавать личные данные военных без распоряжения командования.

— Они сами передают, — сказала Белик. — И не все они военные.

— Все находятся в составе экспедиции.

— В том числе мой шестилетний племянник. Это не делает его артиллеристом.

Седнев посмотрел на неё без раздражения.

— Я про специалистов, Ива. На каждом корабле есть люди, которых невозможно заменить завтра утром. Если их возьмут в первую очередь, остальных придётся держать здесь годами.

Мирон узнал собственный вчерашний довод и почувствовал облегчение. Значит, дело не только в нём и не только в Льве.

— Нужно согласовать переход, — сказал он. — Сроки, замену, порядок. Сейчас все видят только свободную койку на берегу.

— Не все, — ответила Белик. — Некоторые видят возможность не ждать разрешения до пенсии.

— Ты можешь отпустить главного механика?

— Завтра нет. Через полгода, если начнём готовить смену сейчас, могу. Он уже спросил. Я ему ответила.

Седнев наклонился ближе к камере.

— А если через полгода нам понадобится манёвр?

— Тогда манёвр выполнит тот, кого он подготовит. Если война — говорите, что война. Если нет, нельзя держать людей на случай, что мы когда-нибудь передумаем.

Мирон хотел возразить, но Коршун остановил обоих.

— Поэтому сначала нужно определить статус. Мы не можем расселять десять тысяч человек по личным приглашениям. Можем разрешать временные работы. Можем обмениваться специалистами. Но флот должен получить место целиком, иначе через год нам будет не с кем обсуждать его будущее.

Инженер «Кедра» поднял палец.

— Если про место: им нужны наши производственные линии. Я вчера был в их ремонтном комплексе. На часть станков они готовы заключить долгий договор.

— Купить? — спросил Коршун.

— Арендовать с людьми. Или совместное предприятие. Там есть варианты.

— А людей куда?

— Туда же. Жильё рядом. Я об этом и говорю.

Коршун некоторое время смотрел на него молча. Инженер, видимо, решил, что связь зависла, и постучал по микрофону.

— Слышу, — сказал адмирал. — Присылай предложения. Пока ничего не закрепляй.

Он развернул карту побережья. Мирон узнал порт, дорогу, промышленный пояс. Предложенный вчера участок лежал дальше в глубине суши, за несколькими узкими водотоками. На карте до него тянулся пунктир будущей дороги.

— Это их вариант, — сказал Коршун. — Рассредоточенное размещение, затем строительство. Два жилых корпуса возле порта, часть людей по рабочим местам, остальным — очередь. Собственные подразделения на земле не предусматриваются. Охрана общая. Споры по службе, когда человек уже переселился, тоже разбираются там.

— Гражданские споры, — уточнила Белик. — Военную службу они пока не берутся разбирать.

— Пока человек в ней состоит. А признание выхода из неё считают личным делом. Смотрите второй документ.

На экране появился другой план. Полоса берега восточнее порта, пустая бухта, высокий каменистый мыс. Складские площадки отмечались старыми квадратами.

— Бывшая военно-морская территория колонии. Большая часть сооружений разобрана, подъезд сохранился. Здесь можем размещать собственные модули, держать транспорт, строить жильё. Первая группа — под нашей защитой и нашими правилами. Дальше совместная граница, обмен, торговля.

Мирон приблизил карту. Место выглядело удобным. Закрытая вода, широкая площадка за берегом, возможность вынести шумные работы подальше от жилья. Участок, который он видел вчера, требовал сначала проложить путь; здесь путь уже был.

— Они это предложили? — спросила Белик.

— Это предложим мы, — сказал Коршун.

— А кто там живёт?

Адмирал переключил слой. Появились несколько десятков небольших строений, тепличные полосы, причал и дорога к внутренним районам.

— Рабочие поселения. Не плотная застройка. Можно согласовать компенсацию и перенос.

Мирон перестал увеличивать карту.

Он уже успел поставить там в уме транспортные ангары. На месте, где теперь обозначался чей-то дом.

— Добровольный? — спросила Белик.

— Мы не собираемся выселять людей завтра утром. Но у нас есть право предложить вариант, пригодный не только принимающей стороне.

— Предложить есть, — сказала она.

Седнев попросил прислать схему причала. Инженер «Кедра» сказал, что на берегу понадобится отдельное питание, и принялся считать, какую часть оборудования можно перенести без остановки корабельного цеха. Разговор снова стал рабочим. Мирон видел, как удобно входить в него: вода, кабели, дорога, места для людей. Каждая отдельная задача была разумной.

Он отметил на своей копии старые склады. Потом отметил жилые дома, чтобы не забыть, что они тоже есть.

Когда подключилась Хольт, Белик убрала мокрую тряпку из поля камеры.

Уполномоченная сидела в знакомом Мирону помещении, где вчера они смотрели предложения по расселению. За её спиной кто-то тихо переставлял стулья. Хольт поздоровалась с каждым, попросила подтвердить, кого представляет инженер «Кедра», и открыла присланную карту.

Коршун изложил предложение спокойно. Собственное размещение, переходный период, ограниченная автономия. Мирон слушал и замечал, что почти все формулировки вчера уже слышал, только тогда речь шла о праве сохранить уклад и семьи. Сегодня на карте появилась граница.

Хольт не стала отвечать сразу.

— На этой территории живут люди, — сказала она после паузы.

— Это учтено. Мы готовы участвовать в переносе жилья, строительстве новых объектов, компенсации.

— Участвовать в переносе можно, когда люди хотят переехать. Их пока не спрашивали.

— Мы обращаемся к уполномоченной администрации, а не к отдельным домохозяевам.

— Тогда я отвечу в пределах своих полномочий. Создание вооружённой территории с отдельным управлением не входит в условия приёма. Мы можем обсуждать ваш район, вашу школу, ваши производственные площадки. Можем резервировать участки под совместную застройку. Не можем передать вам населённую полосу берега под военный контроль.

— Временный, — сказал Коршун.

— До какого события?

Адмирал положил руки на стол.

— До устойчивого соглашения о нашем положении.

— Его мы и заключаем. Нельзя ставить вооружённый контроль условием разговора о том, каким будет контроль.

Седнев вмешался:

— Вы предлагаете разоружиться до того, как люди получают жильё.

— Мы предлагаем не применять оружие. Это разные действия. Ваши корабли остаются вашими, ваши семьи живут там, пока не готовы переехать. Тяжёлые системы не используются, перемещения согласуются. Мы тоже не подводим к вам ударные аппараты. Вы можете видеть их стоянки.

— Пока мы их видим, — сказал Седнев.

Хольт перевела взгляд в его окно.

— Я не смогу доказать вам, что мы никогда ни при каких обстоятельствах не нарушим соглашение. Вы мне тоже. Поэтому в нём есть взаимные ограничения и наблюдение.

Коршун спросил о личном составе охраны будущего района. Хольт предложила обучение флотских людей и включение их в местную службу с сохранением части внутренних обязанностей. Седнев засмеялся. Негромко, без веселья.

— Из командира батареи в участковые.

— Из командира батареи можно остаться командиром батареи, — сказала Хольт. — На корабле. Мы не требуем менять вашу специальность. Но батарея не нужна для охраны детского двора.

Белик посмотрела на Мирона. Тот заметил её взгляд и понял, что теперь должен сказать что-нибудь сам.

— Я вчера видел жилой корпус, — начал он. — Он пригоден. Нужно только убрать один переход и сделать дополнительные поручни. Нашим пожилым трудно на ступенях.

Хольт кивнула.

— Уже заказано. Ваши специалисты могут участвовать.

— Но нам нужен человек, который будет отвечать за прибывающих. Свой. И возможность помогать им до того, как начнутся заявления и разбирательства.

— Такой человек нужен. Вы готовы?

Мирон замолчал.

— Координатором размещения, — пояснила Хольт. — С доступом к службам, с рабочим помещением, со своими сотрудниками. Конкретные полномочия согласуем. Вы вчера всё равно этим занимались.

Коршун не возразил. Мирон посмотрел на него, затем на Хольт.

— Готов, — сказал он. — Если это даёт возможность действительно решать.

— Даст возможность требовать решения от ответственных людей. Иногда это займёт больше времени, чем вы привыкли.

— Я привык ждать.

Хольт чуть наклонила голову. Мирон не понял, услышала ли она в этом упрёк или только усталость.

Карту бухты она оставила себе для рассмотрения гражданских вариантов застройки. Военный статус отвергла. На следующую встречу предложила пригласить тех, кто там живёт. Коршун ответил, что сначала обсудит это с капитанами. После отключения Хольт инженер «Кедра» немедленно извинился и вышел из связи: его вызывали уже третий раз.

— Что думаешь? — спросил Коршун Мирона.

— Работать можно. По размещению. С пристанью сложнее.

— Я не про пристань.

Белик откинулась на стуле. Седнев смотрел в сторону, будто отвечать было неинтересно. Мирон выбрал слова не сразу.

— Она не откажет людям в жильё. Но отдельной территории не даст.

— Я тоже так думаю, — сказал Коршун. — Поэтому занимайся людьми. Нам надо знать, что им предлагают и на каких условиях. Все заявки на постоянную работу своди через свою группу. Не запрещай. Проверь.

— Кого я могу взять?

— Сам реши. До шести человек на первое время. Формальное распоряжение будет сегодня. Ива, дай ему своего по хозяйству. Павел — по безопасности.

Белик кивнула. Седнев сказал, что пришлёт кандидата.

Коршун завершил совещание. На стене осталось пустое светлое поле. Мирон вдруг заметил, что за время разговора след от кофе на столе высох.

— Ты вчера Арсения выпустила, — сказал он Белик. — Спасибо.

— Он у меня последнюю неделю через каждые два часа спрашивал. Если бы не выпустила, он сам бы открыл люк и пошёл.

Она собрала со стола листы. На одном было детское изображение корабля: кольцо, длинная ось и десятки тонких линий, тянувшихся вниз.

— Это что? — спросил Мирон.

— Племянник. Ему объяснили, что лифты до поверхности ещё не построили. Он решил помочь.

Мирон взял лист. Каждый лифт вёл к маленькому квадрату на берегу. Возле одного стояли три палочки с головами.

— А ты здесь есть?

— Не знаю. Он всё время меняет. Вчера был друг из школы. Сегодня, может, я.

Она забрала рисунок и положила отдельно от документов.

Мирон поднялся. Ему нужно было успеть к Тропину. У двери Белик остановила его.

— Ты ведь не думаешь, что нам обязаны именно эту бухту?

— Я думаю, нам нужно место.

— Это я тоже думаю.

Она не продолжила, и Мирон был ей благодарен.

На обратном пути к пристани он прошёл мимо школьного сада. Дети стояли вокруг взрослого мужчины, который показывал, как надевать спасательный жилет. Один мальчик застегнул его задом наперёд; другая девочка так туго затянула ремни, что не могла поднять руки. Мужчина смеялся, помогал, рассказывал, зачем держаться рядом со старшими у воды. На «Севере» всю дорогу учили аварийным переходам между кораблями. Теперь те же люди готовили детей к обычной прогулке.

Мирон задержался на секунду, потом пошёл быстрее.

Лев ждал в челноке. Сидел в рабочей куртке, с сумкой инструмента на коленях. Увидев отца, убрал экран.

— Ты вниз?

— Да. Появилась работа.

— Какая?

— Помогать вам всем устраиваться.

Лев посмотрел на него внимательно, явно пытаясь понять, сколько в этом шутки.

— Я могу сам.

— Знаю.

Сын слегка улыбнулся. Мирон сел через проход. Он хотел спросить про девушку в мастерской, но решил, что сын сочтёт это продолжением проверки. Вместо этого спросил, что именно сын ремонтировал вчера. Лев сразу заговорил, показывая фотографии на экране. Мирон слушал про обходную передачу, старые гнёзда, ограничения нагрузки и постепенно понимал, чем сын занимался на берегу.

Это заняло больше времени, чем прочитать заявку.

Перед самым отходом Мирону пришлось распоряжение о назначении. Он открыл его, проверил фамилии и полномочия, затем отправил в посадочную службу новый порядок записи. В расписании женщины с сухими цветами появилось место на завтрашний рейс.

Снизу, с планеты, Холът прислала адрес его рабочего помещения. Второй этаж приёмного корпуса. Два стола, связь, доступ к общей службе размещения.

Мирон показал сообщение сыну.

— Будем соседями.

Лев посмотрел на адрес.

— Тогда заходи к нам. Только через боковую дверь. Через большие ворота не надо.

— Почему?

— Автоматика.

Мирон кивнул и убрал прибор. Тропин попросил всех пристегнуться. За стенкой включились насосы, а на обзорном экране медленно повернулся большой светлый обод «Севера».

Глава 5. Наклонная вода

Во второй день Льва не пустили в мастерскую.

Он дошёл до боковой двери, приложил вчерашний браслет и услышал короткий неприятный сигнал. За стеклом появилась Лея. На этот раз волосы у неё были убраны без платка, а на щеке темнело пятно от смазки, почти такое же, как у него на локте.

— Документы принёс?

— Прислал.

— Вот и иди фотографироваться. Тебе рабочий пропуск делают.

— Вчера же можно было.

— Вчера ты был моим гостем. Сегодня будешь сам за себя отвечать.

Она показала на низкий пристроенный корпус у третьего пирса и исчезла. Лев хотел сказать, что согласен ещё немного побыть гостем, но дверь уже закрылась.

В маленькой проходной работала женщина с короткой стрижкой и высоким лбом. Перед ней лежала недоеденная груша. Женщина отодвинула её, прочла имя на экране и попросила Льва посмотреть в светлую точку над стеклом.

Он посмотрел.

— Не так сурово. Вам сюда ходить, а не завоёвывать.

Лев почувствовал, как у него каменеет лицо.

Женщина сразу подняла глаза от экрана.

— Неудачно сказала. Извините.

— Ничего.

— Давайте ещё раз. Теперь просто прямо.

Он встал ровно. Камера мягко щёлкнула. На экране появилось его лицо, слишком белое под местным освещением, с полоской зажившей ссадины у подбородка. Он успел забыть, где её получил.

— Лев Таланов, временная работа до конца вашего разрешения. Продление отдельно. Доступ — ремонтный участок, третий пирс, склад мелких деталей. В другие зоны с сопровождающим. Меня Дина зовут. Если пропуск опять заговорит неприятным голосом, идите сюда.

Она выдала тонкую карточку на шнурке. Лев повесил её на шею.

— Можно под куртку?

— На участке нельзя. Мы должны видеть. В городе можете хоть в носок спрятать.

Он поблагодарил. Выходя, заметил на стенке стеклянной перегородки маленькие метки роста и неровно написанное имя. Рядом стояла фотография девочки в слишком большом спасательном жилете.

Дина проследила за его взглядом.

— Моя. Вчера впервые одна проплыла от стенки до стенки. Теперь требует собственную лодку.

— У нас тоже был бассейн, — сказал Лев.

— Хорошо. Значит, умеете держаться на воде.

Она вернулась к своей груше, и он пошёл обратно в мастерскую, чувствуя, как карточка слегка ударяет в грудь.

Данил вручил ему чистую рабочую рубаху, выдал шкафчик и первым делом послал пересчитывать крепёж. Лев не возражал. Ему было даже приятно, что вчерашняя удача с приводом не сделала его человеком, которого надо показывать всем проходящим.

Утро ушло на обычную работу. Он разобрал несколько ящиков, вымыл старую смазку с деталей, привык к местным обозначениям. Рубаха оказалась велика; дважды рукав цеплялся за угол стола, прежде чем Лев догадался туже застегнуть манжету.

Ближе к обеду пришёл подросток с большим полотняным мешком. Лея не подняла головы от стола.

— Нет.

— Ты ещё не знаешь, что я скажу.

— Ты скажешь: «Лея, нам надо сегодня». А я скажу: «Я работаю».

Подросток посмотрел на Льва, словно тот мог выступить посредником.

— Мы договорились, — сказал он.

Лея отложила инструмент.

— Мы договорились, что вы заберёте лодку после проверки. Она проверена. Забирайте.

— Мама не может.

— И я не могу. Егор, у вас трое взрослых в списке. Найди одного.

Егор поставил мешок на пол. Он был высок, но плечи ещё оставались узкими, подростковыми; кисти рук казались слишком большими. Лев вспомнил себя в этом возрасте и сразу пожалел, что вспомнил: тогда он тоже приходил к матери с видом человека, которому достаточно изложить затруднение, чтобы чужая работа прекратилась.

— Тётя Оля сегодня до вечера, — сказал Егор. — Виктор на другом берегу. Мама везёт окна.

— А ты должен был всё согласовать заранее.

— Я согласовал. Потом окна приехали раньше.

Лея закрыла глаза на секунду и повернулась к Данилу, который слушал их, перебирая инструменты у соседнего стола.

— Через час я закончу здесь. Можно уйти на сорок минут? До старой гавани. Привезу им лодку и вернусь машиной.

— Возьми час, — сказал Данил. — И Льва. Он всё равно сейчас только местную смазку нюхает. Внизу ему покажешь крепления, пригодится.

Лев поспешно выпрямился, будто его застали без дела.

— У меня сбор в шесть.

— Успеем, — сказала Лея. — Егор, это Лев. Он с флота. Лев, это мой брат. Сейчас он пойдёт и найдёт нам два запасных жилета, потому что свой я ему больше не дам.

— Я высушил.

— На обогревателе. Он теперь ребёнку впору.

Егор поднял мешок и ушёл, стараясь не улыбаться. Лея проводила его взглядом.

— Ему шестнадцать, — сказала она. — Это временно.

В служебной гавани стояла небольшая парусная лодка с белым корпусом. Парус лежал в чехле вдоль длинной горизонтальной балки, поперёк кормы была укреплена съёмная перекладка. Лев сразу заметил новые крепления: металл ещё не успел потемнеть, у одного болта оставалась синяя метка проверки.

— Вот это мы и переделывали, — сказала Лея. — Для двигателя. Учебной группе надо возвращаться, даже если ветер устал.

Он присел на причале и рассмотрел узел. Здесь всё было понятно: нагрузка, усиление, шайбы, защита от воды. Непонятно было только, почему опора, на которой предстояло стоять, непрерывно уходила из-под ног.

Егор придержал лодку у борта. Лев надел жилет, проверил застёжки и шагнул внутрь, слишком высоко подняв колено. Лодка отклонилась. Он ухватился за край и сел не там, где собирался.

Егор отвернулся к воде.

— Смейся, — сказал Лев. — Я бы тоже смеялся.

— Я не смеюсь.

Плечи у него дрожали.

Лея спустилась последней, отдала брату конец швартова и коротко объяснила Льву, где держать ноги. Двигатель тихо загудел. Лодка отошла от причала; на берегу остались синие ворота мастерской, высокая фигура Данила и жёлтая тележка, которую они вчера чинили.

Тут Лев увидел отца.

Мирон стоял на верхней дорожке у приёмного корпуса и разговаривал с двумя людьми. Один был в форме «Упорного», другая — в светлой рабочей куртке. Лев поднял руку. Отец заметил, кивнул, потом посмотрел на лодку внимательнее. Лев успел показать жилет, прежде чем понял, что делает это, как маленький.

Отец улыбнулся и поднял ладонь в ответ.

— Это он? — спросила Лея.

— Да.

— Вчера всё время серьёзный был.

— Сегодня тоже будет. Потом.

За выходом из гавани вода стала неровной. Лея убрала тягу двигателя и вместе с братом подняла парус. Леву велели оставаться у середины и не хвататься за верёвки просто потому, что они рядом. Через минуту лодка наклонилась, будто под ней подняли край пола.

Лев вцепился пальцами в скамью.

— Она так и должна? — спросил он.

— Да.

— Насколько?

Лея взглянула на него.

— Если тебе неудобно, скажи. Пойдём под мотором.

— Нет. Нормально.

Вода приблизилась к левому борту. Егор сидел выше, упершись ногами, и смотрел на парус с совершенно взрослым выражением. Лев заставил себя разжать руки. Во время упражнений на корабле он бывал в любых положениях, но там заранее знал, что должно произойти. Сейчас казалось, что лодка каждую секунду принимает новое решение.

Лея предупредила о повороте. Лев наклонился раньше времени, почти коснулся лбом коленей и услышал, как Егор наконец не выдержал и фыркнул.

— Всё, — сказала Лея брату. — Достаточно.

— Я сам, — сказал Лев. — Он ничего.

Но ему было обидно. Он надеялся выглядеть человеком, который умеет обращаться с техникой, а выглядел человеком, которому объясняют, где сидеть. Чтобы скрыть это, принялся задавать вопросы про переделку двигателя. Лея ответила на два, на третий сказала, что лучше поговорить у причала. Лев замолчал.

За каменистым выступом открылась бухта. На низком берегу стояли дома с плоскими крышами; выше, на склоне, блестели теплицы. Длинный серый корпус старого склада тянулся вдоль дороги. В его торце прорезали большие окна, а перед ними расставили маленькие стулья. Кто-то сушил на перилах яркие детские полотенца.

— Здесь школа? — спросил Лев.

— Младшая группа, — сказала Лея. — Основная дальше. Мы отсюда.

— Живёте здесь?

— Я теперь ближе к порту. Егор с мамой здесь.

Брат указал на один из домов. На крыше стоял человек и держал обеими руками широкую раму. Снизу ему что-то кричали.

— Окна! — сказал Егор с торжеством. — Я же говорил.

У причала их встретила женщина в пыльных брюках, с мокрой полосой на лбу. Она сначала посмотрела на часы, потом на Лею, потом на Льва.

— Спасибо, что привезли. Егор, мешок сюда. Лея, вы можете раму поддержать пять минут?

— Нет, мама.

— Только поддержать.

— У нас час. С дорогой обратно.

Женщина перевела взгляд на Льва. Он уже собирался сказать, что может, но Лея шагнула между ними.

— Он тоже не может.

— Я даже не спросила.

— Ты уже посмотрела.

Мать вздохнула и протянула Льву руку.

— Марина. Не пугайтесь, мы обычно вежливые. Просто одно окно пришло не того размера.

— Тогда его лучше не держать, — сказал Лев. — Оно от этого не вырастет.

Марина засмеялась. Лея посмотрела на него искоса, и ему стало легче.

Егор вместе с двумя знакомыми отвёл лодку к соседнему месту. Лея проверила крепление у причала, передала матери небольшой пакет с документами о ремонте и сказала, что им пора. Марина попросила взять хотя бы хлеб. В доме стояли горячие противни, и Лев через открытое окно почувствовал запах так ясно, что согласился прежде, чем Лея успела отказаться за него.

— На пять минут, — сказала она.

Внутри было прохладно и тесно. Коробки с оконной фурнитурой занимали половину пола; на столе лежали разложенные тетради, рядом стояла чашка с синей водой и торчавшей из неё кисточкой. На подоконнике сохли детские рисунки, прижатые запасными дверными петлями.

Марина разломила хлеб, завернула куски в ткань и на ходу спросила, с какого он корабля.

— С «Рубежа».

— Самого большого?

— «Север» больше по жилью. Наш боевой.

Слово оказалось лишним. Лев услышал его так, будто сказал кто-то другой. Марина не изменилась в лице, продолжила укладывать хлеб, но за столом замолчал седой мужчина, который до этого выбирал крепления из коробки.

— Это отец, — сказала Лея. — Аркадий. Пап, это Лев, работает у нас.

Аркадий поднялся, пожал руку. Его ладонь была шершавой, с плоским твёрдым бугорком под большим пальцем.

— Вас надолго привезли? — спросил он.

— Мы сами прилетели.

— Я не это. В мастерскую.

— Пока на девять дней. Потом решать буду.

— Понятно.

Лев вдруг захотел уйти. Он не понимал, что именно произошло, и от этого злился сильнее. Его пригласили в дом, дали хлеб, пожали руку, а он всё равно чувствовал, что должен что-то объяснить за слово «боевой». На корабле оно звучало как название профессии. Здесь оказалось, что профессия касается и тех, кто ничего у тебя не заказывал.

Аркадий протянул ему большую пластину с двумя отверстиями.

— Посмотри, пока здесь. Эти прислали к рамам, а на чертеже другие. Мы неправильно понимаем или они перепутали?

Лев взял пластину. Лея открыла чертёж на столе. Трое несколько минут сравнивали размеры, потом Лев показал, что крепление предназначалось для второй секции. Аркадий отложил его, достал нужную деталь и с облегчением выдохнул.

— Значит, рама всё-таки наша.

— Рама ваша. Крепёж чужой, — сказала Лея.

— Уже приятно.

Лев хотел предложить остаться и помочь, но Лея коснулась его локтя.

— Нам пора.

Она сказала это без нажима, и он пошёл за ней. Марина сунула им хлеб и коротко обняла дочь, одной рукой, потому что в другой держала полотенце.

У дороги ждал маленький рейсовый автобус. Лея помахала водителю, и тот придержал дверь. Они сели в самый конец. Через стекло Лев видел, как Марина возвращается к дому, а Аркадий показывает человеку на крыше правильное крепление.

— Я что-то сказал не так? — спросил Лев, когда автобус тронулся.

— Нет.

— Про корабль.

Лея положила хлеб на колени.

— У деда отец погиб в старой войне. Здесь. На берегу, где мы лодку оставили. Папа никогда его не видел, но дед рассказывал.

— Это не мы.

— Я знаю.

— Мы вообще тогда не родились.

— Лев, я знаю.

Он отвернулся к окну. Дорога шла выше воды. С одной стороны тянулись каменные выступы, с другой — невысокие дома, садовые ограды и хозяйственные дворы. Ничто не выглядело древним. Здесь чинили крышу, везли окна, учили детей плавать. Почему-то он ожидал, что следы войны должны быть видны именно как следы войны, а не как человек, переставший перебирать детали.

— Он не против тебя, — сказала Лея. — Но ему странно слышать, как вы этим гордитесь.

— А мне чем гордиться? Мы восемьдесят лет летели. Я там родился. Всё, что умею, там выучил.

Она не ответила сразу. Автобус остановился, в проход вошли двое с пустыми ящиками. Лея подтянула колени, освобождая место, и дождалась, пока они пройдут.

— Ты вчера помог нам с машиной, — сказала она. — Сегодня нашёл крепление. Мне этого достаточно, чтобы звать тебя работать. Я не знаю, чем тебе гордиться. Это ты решай.

Лев почувствовал, что краснеет. Он хотел простого ответа: ничего страшного, всё забыто, ты хороший. Лея его не дала, и обижаться было не на что.

Несколько минут они ехали молча. Потом она спросила, сильно ли ему не понравилась лодка.

— С чего ты взяла?

— Ты разговаривал с двигателем почти весь путь.

— С двигателем было проще.

Она засмеялась. Лев тоже улыбнулся.

— Не надо было брать меня без предупреждения, — сказал он. — Я бы хоть узнал, что это так наклоняется.

— Надо было предупредить. Прости.

— Я не про то, что вообще не надо. Ещё раз можно.

Лея повернулась к нему.

— Тогда в следующий раз без доставки. Просто покатаемся. И раньше скажи, если страшно.

— Не страшно.

— Хорошо. Если очень интересно.

На остановке у порта они вышли вместе. До мастерской осталось десять минут пешком, и Лев взял у Леи хлеб, чтобы она могла застегнуть куртку. Справившись с молнией, Лея взяла его за свободную руку. Лев смотрел на маленькие светлые царапины у неё на пальцах и боялся пошевелиться так явно, что она подняла на него глаза.

— Ты сейчас тоже очень заинтересован?

— Да.

Она не засмеялась. Отпустила его руку не сразу.

В мастерской Данил уже ждал с новой работой. На этот раз им принесли старое подъёмное кресло из жилого корпуса, который готовили для прибывших. Лев присел перед приводом, Лея развернула схему, и они снова стали спорить о том, с какой стороны удобнее начать.

Пакет с хлебом лежал у него в открытом шкафчике. Время от времени Лев ловил его запах и видел перед собой бухту с маленькими домами, знакомый уже причал и неподходящий крепёж, который наконец оказался на своём месте.

Глава 6. Кому достанется сад

Утром второго дня Рада принесла в садовый сектор чужую куртку, которую собиралась вернуть в лабораторию, и пакет с чистыми носками. После вчерашнего она решила больше не доверять хорошей погоде.

У входа в третью теплицу ещё стояло ведро. Пол высох, снятую панель вернули на место; только на краю стола лежало кольцо из плотного белого осадка, извлечённое ночью из забитой линии. Тома оставила его как вещественное доказательство. Рада взяла кольцо, попробовала разломить пальцами и положила обратно.

Вчера она пришла поздно, прогнала домой двух работников, помогла закончить промывку и сама вернулась в квартиру почти в два. Мирон ещё не спал. Он спросил, всё ли получилось, не отрываясь от экрана, и Рада ответила, что получилось. Этим их разговор ограничился. Сейчас застывший осадок на столе выглядел убедительнее, чем вчерашнее короткое «всё».

Тома появилась с чашкой и большим листом, на котором от руки начертила таблицу. Рада сразу заметила, что собственную фамилию Тома поставила почти в самом конце.

— Почему?

— Потому что сначала надо отпустить тех, кто работал за вас. И ночных. Они вторые сутки смотрят ваши фотографии.

— А ты не работала?

— Я здесь нужна.

Рада положила куртку на стул.

— Вот этого не надо. Мы сейчас составляем график, а не список самых незаменимых.

Тома пододвинула к ней лист. В начале стояли три имени, рядом — ещё два, помеченных другим цветом. Работники, которым уже разрешили семейную высадку, не совпадали по дням с собственными свободными сменами. Чтобы они могли поехать вместе с детьми или супругами, приходилось менять дежурства целиком. Рада стала переставлять отметки, Тома некоторое время смотрела, потом перевернула лист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.